

и в ужасе признался сам себе, что у меня тут есть только один выход — это Суханов. Про которого я могу добавить, что вообще-то мы учились вместе в 232-й школе на Сухаревской и знакомы, можно сказать, с нашего тинейджерства, так что у нас очень долгая история отношений.

В связи с «Машей» и прошлогодним «Быком» Бориса Аكوпова хочу спросить вас не только как режиссера «Страны глухих», но и как продюсера «Бригады» — почему, как вам кажется, наше кино опять возвращается к девяностым?

Вот это удивительный для меня вопрос. Я-то сижу и поражаюсь, почему у нас так мало фильмов про девяностые! Почему так мало написано романов, почему почти нет попыток художественно осмыслить это время.

Я уверен, что как у моего папы и его поколения главным событием в жизни была война, так и в нашем поколении главное событие — это падение Советского Союза и то, что из этого получилось. И про эти девяностые, как там их ни называй, мы будем говорить до конца своих дней. Время, в котором одна страна уходит, другая страна еще не возникла, и в этом пересменке между двумя странами живет огромный народ, пытающийся как-то выжить, не погибнуть, кем-то стать, состояться, — по-моему, это невероятная, абсолютно грандиозная тема. Так что я бы ваш вопрос переформулировал: почему до сих пор так мало об этом сказано и снято? Лично я, например, лет пять назад пытался запускать какие-то проекты, связанные с девяностыми, и был поражен тем, что их отвергали везде. Люди боялись, не хотели давать на это деньги, не хотели это показывать в кинотеатрах и по телевизору. Это была тема если не запретная, то очень болезненно-непопулярная. И сейчас только-только прорвало.

Тогда переформулирую вопрос: почему про девяностые говорят дети девяностых, такие как Акопов и Пальчикова, а ваше поколение — молчит?

Что касается меня, то я просто готовлюсь. Я еще не осмыслил все до конца. Но то, что я об этом сниму, если бог даст, — это обязательно! И думаю, может быть, не один раз вернусь к этому времени. У меня сейчас как раз один сценарий в работе, и я буду счастлив его снять, как только представится возможность.

А кто настоящие герои девяностых для вас? О ком будет ваш фильм?

Безусловно, это будет фильм не про бандитов. Герой этого времени для меня — самый обычный человек, который познал вкус денег. Человек в тот момент его жизни, когда он вдруг переходит из обычной жизни в жизнь богатую.

«А С ЧЕГО ТЫ ВЗЯЛ, ЧТО Я НИ РАЗУ ТЕБЯ НЕ ЗАГИПНОТИЗИРОВАЛ?» Я УДИВИЛСЯ: «НУ КАК ЖЕ, Я БЫ ПОМНИЛ!» — «НЕТ-НЕТ-НЕТ, ТЫ БЫ НЕ ПОМНИЛ»

Из советской — в несветскую?

Да. Это бизнесмены, которые вчера еще были инженерами, сотрудниками НИИ, а некоторые, как мы знаем, комсомольцами, которые начали с нуля свои бизнесы и вдруг обнаружили, что у них есть вот эти миллионы долларов. Герой этого времени для меня — это маленький человек, который вдруг получил большие возможности.

Пока вы не сняли этот фильм, кто, как вам кажется, точнее всего рассказал про девяностые на экране?

Ну вот тот же «Бык» показался мне очень достойным фильмом. А напомним, что у нас еще было? Балабанов?

Ну конечно. Конечно, да. Но мне кажется, что Леша все-таки делал свое кино изнутри — это не были фильмы, снятые с дистанции. Как и «Страна глухих» — это фильм не про девяностые, а про современность. А «Груз 200», действие которого происходит в 1984 году, но который рассказывает о том, откуда выросли девяностые, — это, конечно, метафора.

Как и ваш «Гипноз» — это ведь тоже метафора?

Это вам, конечно, видней. Но если вы спросите, что для меня было самым интересным в этом фильме, кроме собственно процесса гипноза, который, конечно, очень кинематографичен, — то это история про манипуля-

цию. Про то, как нас пытаются сделать такими, какими нас хотят видеть. Меня интересовали наши отношения с реальностью: что было на самом деле, а что нам внушили? Как мы видим этот мир? Что мы вытесняем, а что нет? Вот все эти вещи меня ужасно увлекали. Ну а кроме того, мне хотелось сделать маленький триллер, потому что я сам очень люблю такое кино. Я себя считаю последователем кинематографа Трюффо, и я всегда хотел сделать такой маленький фильм, где будут несколько героев, напряженная атмосфера — и во всем этом будет какой-то смысл. Так что «Гипноз» для меня — это в первую очередь небольшой жанровой эксперимент, а потом уже метафора. А еще я очень давно не снимал фильмов с подростком в главной роли. С героем, который познает и открывает мир.

У вас есть любимый фильм про гипноз?

Хичкок, «Головокружение». Там нет буквально гипноза — но там все гипноз. Весь фильм — это сеанс гипноза. Причем гипнотизирует нас режиссер. И манипулирует нами, занимаясь тем, что выдает настоящее за сон, а сон за настоящее, и запутывает нас, и доводит до отчаяния в какой-то момент, пока в конце не разрешает нам узнать правду. Вот это, наверное, и есть для меня настоящее кино.

Вы, кстати, поняли, почему не поддается гипнозу?

Мне кажется, что у меня, как и главного героя «Гипноза», есть дикий страх перед тем, чтобы потерять контроль, отпустить себя и оказаться беспомощным, не способным контролировать то, что со мной происходит. Именно поэтому меня так царапнул в свое время вопрос доктора Райкова — а с чего я взял, что я не поддаюсь гипнозу? Возможность поставить реальность под сомнение меня пугает до сих пор — и этот страх, в отличие от клаустрофобии, с годами никуда не делся.

В прокате с 15 октября